MRCO
SHYCH
NBA

МЯСО ВКУСА НЕБА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Яблоко-малина

Я отпустил соцветие грозди малины. Запах не доходил до меня, я не мог убедиться, созрела ли она, не спугнув клопа. Вместо этого прошёл пять шагов от низких кустиков к высокой, подпёртому балками виноградной лозе: тут-то я радовался и запаху ягод, и переливчатому, от бледно-зелёного до тёмно-лилового, цвету, пропускающему сквозь прорези маленькие клочки пасмурного неба. Чтобы занять себя, я брал длинную ветку яблони и тонким её концом проводил по верхнему висящему ряду арки; если день был особенно сносный, оттуда падали богомолы, схожие своей мимикрией с виноградом. Также я был не при чём, если богомола настигали котята, в тучную, преддождливую погоду, какая была тогда, резвящиеся около дома. Помню, как вчера: они поднимали зубчатые косы, угрожая кошкам, а те воспринимали их с потешностью, как если бы клубок нитей начал защищаться, и осторожно, пару раз подряд, пинали их лапой, затем подпрыгивали и пинали снова.

Мне казалось, я не имел права вмешиваться. Поставив яблоневую ветку о стену, я или шёл отпить компоту на веранде, или лениво плёлся к заборчику огорода, который сумел бы скрыть меня, вероятно, только от ночных ежей. Вблизи ограды из клетчатой проволоки я собирал подгнившие яблоки с земли и собирал тройку не созревших, чтобы добавить кислинки (за что я имел особенность просить прощения). Тут же осматривал огород: июньская земляника отцвела, оставив на своём месте кучку свернувшихся листьев; кукуруза стала шелушиться; помидоры, скрытые в полутени, чувствовали себя порядком хорошо; дальше, в шагах пятидесяти, зрел картофель; прямо у подножия забора росла дикая брусника; по мою сторону почву терзали многочисленные ростки сирени, от которой, если дать ей прорасти, будет непосильно избавиться.

Бог видит, я мог всё изменить, но пусть оно идёт вверх, пусть пробивает сухую, знойную броню и взрывается цветом. Я уверен, что не имел права вмешиваться. К вечеру завершаю этот моцион яблочно-малиновым компотом, и солнце опускается.

О сливе, бороде, лопате

Гляжу с огорода на магазин вдали... Его крыша напоминает мне рожок. Я чувствую, как память воспаляется и давит на мозги, но мои ноги схватывает иммерсивная земля, пальцы нежат меня, успокаивают, согревают, говорят: «Не устал впадать в коматоз?» — «Нет. Я устал пытаться не зависеть от этого желания». — «Ты по-своему глупый». — «Только и всего? Я хрупкий». — «Почему же?»

Палец из интереса бьёт по мне — я трещу, как ветка смолистой сливы. Моя спина, позвоночник становятся бородой. Длинная слеза с щеки сгущается в лопату. На моём месте стоит другой человек — только он не грустит по образу, прошлому; он работает и занят своей жизнью, за что находит уважение.

Сэнди

Да, и небо — только белее. Никто не услышал молитву, думаю я: быть дождю.

— Иди сюда. Посмотри, достаточно ли я подсушил хвост.

Он действительно навязчив, но я подхожу в паркой лени.

На кустарной сковороде шипел хвост скорпиона; южные племена сперва сушили труп на солнце, затем отделяли пищу от панциря, прогревали на лёгком кострике сам хвост. Полученную эссенцию курили.

У нас это частая практика, особенно учитывая пристрастие к своему, а не пейоту, который распространил Хаксли благодаря дурному уму.

Мимо меня (или моего оранжевого тела) проносится стая марабу.

Кот и сумерки

Кот заприметил тёмные сумерки, аппетит у него пропал. Отойдя от скобочек колбасы, он всмотрелся сперва в небо — наполовину чёрное, как уголь, и синее, как морская вода. Полная потеря среди кошек отобразилась на нём молчаливым, мерным наблюдением. Поступал он так только под вечер, а днём спал. С некоторых пор он чем-то приболел и начал лысеть, что мешало чувствовать себя человеком. Так же одинокий, как сосед напротив, кот предпочитал спать, а не жить жизнь, и его нужно понять: после череды потрясений его романтическая, хотя и кошачья натура показала себя слоями.

О первом слое известно вот что. В середине капризного детства кота намеревались повесить местные ребята, однако ему удалось поцарапать их и сбежать. Когда-то этих ребят осудят за изнасилование девочки, которая подкармливала кота маленьким, когда у самой пустыня бушевала. (Так они называли душу.) И, по причине сдавленного мозга, кот хуже справлялся с эмоциями, но плакал, ещё с пелёнок, умаляя детей. Девочку он не видел после, а страх быть повешенным людьми глубоко поселился в пустыне; он обходил окольной дорожкой рощи берёзы и липы; при возможности спрятаться в траву незамедлительно так делал и, притворяясь саламандрой, оставался в живых; человека, идущего с канатом, спешил напугать, становился чёрным и походил на бешеного.

Чувство, которое он жалеет внутри, убивает его. Это второй слой, он тесно связан с инцидентом, когда ребята попытались накурить кота марихуаной. У них это не удалось, и к счастью нашего младшего брата: кошки смертельно не переносят каннабиноиды.

К этому времени сумерки загорелись арабской сказкой. Следует опустить голову.

Эвелина

Приятно проведать улицу, вокруг спокойное время года, ни дождя, ни жара; можно было оголить одно плечо согласно моде. Пока мои глаза гуляли по суховею и облитому краю, я задумывался о таких вещах, которые ранее не волновали меня. Например, муравейники, расположенные на пологих холмах и закрытые густой хвоей леса: я имел смелость проникнуть ближе к ним. Когда ступил, по ботинку, давно не знавшему влаги щётки, поползли муравьи, но к моему удивлению застыли у коленей.

Что же, подумал я, и взглянул на штаны: красные термиты, огибая мой припухлый сытый живот, тонким роем спускались наперекор муравьям. Это послужило поводом испугаться. А я встряхнул одежды — теперь все они перемешались на земле — и достал колбу с прозрачным мёдом. Она была велика и вмещала в себя две добрые ладони, так что я с щедростью залил жидкий мёд в норку муравейника.

Спешу описать, что происходило после. Попавшие в густой сироп муравьи безмолвно застыли, им не хватало силы лап, чтобы сдвинуться. Лил я недолго — вскоре мёд пошёл через край, будто извержение вулкана. Тотчас моё тело обдало холодком, я обернулся и обнаружил двое щенков, которые повалили меня на траву и приступил со мной, как положено, играть. Я задыхался в серой тени, волосы мои покрыли лицо, защищая от любознательных язычков. Они посмотрели на муравейник, погрязший в мёде, и как-то утратили всю игривость. Я спросил себя: что же такое? Обида, вероятно, настигла их, а потом и меня; я понял, как ошибался в чувстве прекрасного, и пообещал исправиться. А как я удивился, встав и увидев на коленях следы мха! Смог он покрыть меня, пока я был занят, и справедливо. Я поспешил одеться.

***

Я называл её Эвелиной, и она не была человеком. Она была тихой тягой к забытому греху, как искупление. Глазки светлые, как порох, и сияют безмятежным детством. Что сделать-то? Я чувствовал дыханье в затылок, так же дождь выгрызал шею пополудни, не возникало мысли, что коснуться Эвелины моей ужасно; ибо если бы возникало, думал бы я по-другому, с горечью, с полынью.

Гавань морских скелетов

Кенгуру давно здесь не была. Последний её визит исчерпал себя двадцать лет назад, до всей этой богадельни с концом мира. Всё тот же люк, ведущий в космос. Он так состарился, прямо старец. Но и Кенгуру уже не молода — вот скоро настанет ей сотня.

Она внимательно осматривает пляж. Следы присутствия скелетов — из неподалёкой гавани, — ведут в крабовую нору; «Разбушевались», — думает Кенгуру. Вот подплывает зелёное небо; ну, знаете — вся эта термоядерность. И Кенгуру впервые пугается дождю.

Как погибли люди гавани, обратившись в морских скелетов? Это произошло, когда вулканы стали водяными и испарились, Землю обволокли солёные туманы, истратив кислород, и люди засохли. Кажется, навсегда, но жизнь не прекратилась, они теперь и подавно всего-лишь живые трупы, блуждающие по ночному берегу в вечном одиночестве. Кенгуру с жалостью наблюдает за ними — судьбу нельзя стереть, как мел, и написать поверх неё новое; их виновность второстепенна. Нет, не стоило им покушаться на здоровье людей-кротов. Это божья длань.

Но Кенгуру умеет любить.

***

Кругом было тихо.

Когда девочка шла по туманному полю, надеясь найти грибы, я боялся её, она подошла ко мне.

Глазки её были заплаканны.

— Милая, что ты плачешь?

— Грибов не могу найти.

— Здесь их нет, милая, это не грибная местность.

— Отчего же не грибная?

— Да погляди же! — Я наклонился, чтобы ощупать траву, прижать ладонью.

— Нетути?

Я думал, что ответить, корчился в попытках сдержать слёзы, но заплакал пуще.

— Нашли?

Я не находил в себе сил посмотреть на неё.

Придорожный ребёнок (Марево)

Он набирал полные горсти придорожной пыли, он метал её вверх, он смотрел на неё зачарованно, сидя на поросшем вредными злаками асфальте. Глаза его нелепо восторженные, пыльные, ошеломлённые. Он протягивает мне руку, полную пыли, песка — сыпется между пальцами. «Дядя, что это?!» Я упал без чувств в придорожную пыль.

Егор Летов

Про дерево

I

Когда эти девочки приходят к моему дереву и подолгу стоят под ним, смотря на меня, я обычно кидаю им смоченный водой хлеб, потом плотно закрываю двери. Наутро девочки, как правило, исчезают. После них в воздухе витает терпкий аромат женского желудка, розовая хвойная хмель.

Так было бы и сегодня, если бы не одна, которая сломала ногу и не успела убежать: она лежала своим хрупким телом, опираясь на кору моего дерева, посапывая, видимо, немного пьяная. Несмотря на тощую фигуру, она выделялась пухлыми щеками; волосы были спрятаны под шлемом, каким-то особенным, что носят девочки вроде неё.

Я не мог остановиться стонать. Мою ногу пронзил капкан — прямо возле входа в дом. Кто-то взобрался наверх, к дверям, и расплодил кругом эти ловушки. Не трудно догадаться, что раненая девочка была моей сестрой по несчастью, только вместе с этим пьяненькая и совершенно обескураженная.

Хотя поначалу я задумывался о том, чтобы вынести её за пределы дерева, сейчас — сжалился над ней, ощутив боль и мимолётный страх.

II

Я больше не буду никого жалеть. Мою рану пьют осы. Ножи в мою царскую грудь.

III

Как успеть за ними? Быстрые девчонки со здоровыми ногами. У них объективное преимущество. Путь лежит через толщу подсолнечного берёзового леса, островки, деревни, маленькие прибрежные пасеки, картины, корабли, часики наручные, покинутые кожею, обёрнутые плесенью, как сыром праздничным.

Догнал одну! Тяну за рукав, но рука никуда не двигается, ей хочется больше играть со мной, это здравомыслящее решение ребёнка, который только что пристально глядел на мой дом; они так, возможно, разведывают место для будущего поселения. Нет, этого нельзя допустить, мой дом слишком стар и служит мне не столько домом, сколько спонсором моего авторитета. Одни девочки не внимают ему, однако это исправимо.

Та бедолага с поломанной ногой лежит у дерева, я не стал её спать, я лучше спасу себя.

IV

Звёзды спустились на нитках хладной ночи. Бежать уже не было смысла, я обернулся, увидел девочку, сломавшую ногу на полпути к волшебному растворению: голень песчанится золотой искоркой, и всё повторяется. Повторюсь: нависшие звёзды как манекены пробуждали меня ото сна, держали мой дух в состоянии бодрствования, чтобы я мог продолжать погоню. Да и за собой заметил: голос истончается, мои слова заменяются воспроизводимой трелью; как бы я не хотел крикнуть громко, звуки леска одолевали меня.

Под эту какофонию одуванчиков девочки разбежались, и каждая, что важно, потеряла свой шлем — запах волос стоял в ночном липофильном воздухе разный: кто-то пахнул земляникой и только-только подкрашенной вишней; кто-то фимиам источал; кто-то потом после тяжёлой работы. Именно потому, что я не выбирал, запахи показались родны и приемлимы.

Так далёкую огласку о моём приключении получили совы. Они слетелись рябой вуалью. Они смеялись, скаля человеческие лица. Я закрывался руками, забирался под пни и ракит, бил по земле, но тихо, тихо…

Мясо вкуса неба

Ты будешь убегать по огороду, залитая вечерним светом заката. Будь осторожна, впереди длинные цепи, протянутые между грядками, ещё дальше стоят люди. Хотя они не могут говорить, опасайся смотреть на них: они ничто.

Твою грудь захлестнёт, ты упадёшь и выронишь банку с малиной. Не переживай, милая, бабушка об этом не узнает. Когда ты видела белок в последний раз? Тогда смотри, вон, за деревьями, в чёрной темноте.

Видишь?

Это совы.

Постой, не плачь, утри слезы чёрным платком. Ночь пугает тебя, говоришь? С каких пор? С тех самых, когда в коридоре запахло йодом?

Это было не так давно.

Апрель — май 2026 г.